

«...ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ,
ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!»

ЛЕРМОНТОВ – ХУДОЖНИК

Ольга Белозерская

ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

*М.Ю. Лермонтов. Тифлис. 1837. Картон,
масло. 33,7x40,1. Государственный Литера-
турный музей. Москва*

В 2014 году исполняется 200 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, едва ли не самого юного гения русской литературы и одного из самых загадочных и противоречивых ее героев. В юбилейный год исследователи так же, как и сто лет назад, мало знают о его жизни, а в его биографии, образно названной Александром Блоком «нищенской», все так же много белых пятен и спорно трактуемых сюжетов. От человека, находившегося большую часть своей осознанной жизни в разъездах, до наших дней дошло всего лишь 54 письма, нет дневниковых записей, нет даже черновиков. Все биографы Лермонтова, начиная с П.А. Висковатого, составляли его жизнеописание на основе немногочисленных воспоминаний современников и скудных архивных данных, относящихся в основном к делу «О непозволительных стихах» и к трагической дуэли 1841 года.

Основной массив материалов о Лермонтове был собран еще при создании первого лермонтовского музея, открытого по инициативе барона А.А. Бильдерлинга в 1883 году при Николаевском кавалерийском училище (бывшей школе кавалерийских юнкеров, в которой учился Лермонтов). Там же впервые было собрано изобразительное наследие Лермонтова, раскрывающее еще одну грань его неординарной творческой личности, полной трагизма и романтики. Сегодня его картины, рисунки и наброски представляют собой параллельную канву, по которой можно читать книгу жизни и творчества Лермонтова.

Многие выдающиеся писатели прошлого занимались живописью, у некоторых рисование выходило за рамки увлечения и представляло собой творческий процесс, синтетически связанный с литературным творчеством и художественным словом. Лермонтов, безусловно, относится к таковым, но до 1930-х годов большинство исследователей воспринимали эту грань его таланта едва ли не с агрессивным неприятием. «Лермонтовские рисунки, рассеянные по разным альбомам и хранилищам, — характерные образцы “культурного баловства” его времени...» — писал Н.Н. Врангель в работе «Лермонтов — художник», опубликованной в «Собрании сочинений Лермонтова» под ред. Д.И. Абрамовича (1913). Там же, в очерке «Обзор художественных работ Лермонтова» Б.С. Мосолов писал: «Лермонтов, конечно, не имел ни времени, ни особой склонности серьезно заниматься живописью, а потому и тайн мастерства в этой области постигнуть до конца ему не удалось». Однако первый биограф поэта, Висковатов считал, что «был момент в жизни, когда он [Лермонтов] колебался между живописью и поэзией». Абрам Эфрос имел иное мнение: когда Лермонтов занимался живописью, «его трагическая Муза должна была в эти часы тяжело смыкать веки, чтоб не видеть, что делал у ее ног маленький армейский поручик».

Так был ли Лермонтов художником? Или его работы — наброски странствующего офицера и дань салонному увлечению образованного человека? Примечательно, что в воспоминаниях современников Лермонтов часто предстает именно рисующим, его привязанность к живописи отмечали многие близкие. Так, младший троюродный брат поэта А.П. Шан-Гирей рассказывал, что уже в детские годы Лермонтов «был счастливо одарен способностями к искус-

Вверху: М.Ю. Лермонтов. Автопортрет. 1837—1838. Бумага, акварель, белила, лак. 11x9,5. Государственный Литературный музей. Москва

ствам, уже тогда писал акварелью порядочно» и «в домашней жизни был весел, ровного характера, занимался музыкой, а больше рисованием». С.А. Раевский в показаниях по делу о стихотворении «Смерть поэта» отмечал, что Лермонтов «имеет особую склонность к музыке, живописи и поэзии, почему свободные обоим у нас от службы часы проводили в сих занятиях». Графиня Е.П. Ростопчина в своих мемуарах писала, что Лермонтов «хороший пейзажист, дополнял поэта — живописцем».

Соученик Лермонтова по школе кавалерийских юнкеров В.В. Бобарыкин оставил в своих воспоминаниях такую зарисовку: «Я жил во Владикавказе. Однажды базарный пришел мне сказать, что какой-то приезжий офицер желает меня видеть. Я пошел в заезжий дом, где застал такую картину: М.Ю. Лермонтов, в военном сюртуке, и какой-то статский (оказалось, француз-путешественник) сидели за столом и рисовали, во все гор-

М.Ю. Лермонтов. Испанец с кинжалом. 1830—1831. Бристольский картон, акварель, гуашь, лак. 11,6x8,9. Государственный Литературный музей. Москва

ло распевая: «A moi la vie, à moi la vie, à moi la liberté» (Да здравствует жизнь, да здравствует свобода! (фр.) — О.Б.). Я до сих пор хорошо помню мотив этого напева, и если это кого-нибудь интересует, то я мог бы найти кого-нибудь, кто бы его положил на ноты. Тогда это меня несколько озадачило... я спросил, что они рисуют, и узнал, что в проезд через Дарьяльское ущелье, отстоящее от Владикавказа, как известно, в двадцати — сорока верстах, француз на ходу, вылезши из перекладной телеги, делал *soucis* (наброски. — О.Б.) окрестных гор; а они, оста-

новаясь на станциях, совокупными стараниями отделявали и даже, кажется, иллюминировали эти очертания». Скупой на слова рассказ, но какой замечательный образ! Недавно исследователь Д.А. Алексеев разыскал в архивах имя товарища Лермонтова в этом путешествии. Им был некто де Лабарт, с которым Лермонтов, очевидно, так сдружился на Кавказе, что они вместе продолжили путь до Москвы.

По этим и многим другим воспоминаниям мы видим, что живопись и рисование были истинно страстным увлечением поэта. По семейному преданию, рисовать он начал раньше, чем писать стихи. В годы учебы в Московском университетском благородном пансионе брал уроки живописи у художника А.С. Солоницкого (о котором известно, например, что в 1839 году он был удостоен Академией художеств звания «неклассного художника» за картину «Родители, учащие своих детей благочестию»).

М.Ю. Лермонтов. Эмилия — героиня драмы М.Ю. Лермонтова «Испанцы». 1830—1831. Бумага, акварель, белила. 14,2x10,7. Государственный Литературный музей. Москва

Как шло обучение юного Лермонтова рисованию, мы можем судить по его письму к тетушке М.А. Шан-Гирей осенью 1827 года, в котором он рассказывает, что рисует пока лишь только «контуры». «Мой учитель говорит, что я еще буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако ж мне запрещено рисовать свое», — пишет тринадцатилетний Лермонтов. Однако рисование контуров затянулось почти на целый год, потому что в декабре 1828 года юный поэт сообщает тетушке о том, что скоро начнет рисовать с бюстов, а Солоницкий показывает ему, «как должно рисовать пейзажи». В Петербурге

Лермонтов продолжает свои живописные уроки у П.Е. Заболотского, добросовестного портретиста и живописца второго ряда, известного ныне в основном благодаря тому, что написал лучший портрет самого Лермонтова.

Одним из первых исследователей, глубоко занимавшихся темой живописного наследия Лермонтова, был Н.П. Пахомов, опубликовавший свое одноименное исследование «Живописное наследие Лермонтова» в 45–46-м томах «Литературного наследия» – издания Академии наук СССР, вышедшего в 1948 году. Пахомов очень тонко определил место картин и рисунков Лермонтова в творчестве поэта. «Они не профессиональны, они грешат против многих правил живописного мастерства, но зато они все овеяны духом гениальности Лермонтова, они все таят в себе какую-то только им присущую гамму красок, своеобразный аромат его восприятия природы, подлинные куски его зрительных впечатлений».

При этом живописное и графическое наследие Лермонтова неразрывно связано с его литературным творчеством. Кажется, что многие рисунки иллюстрируют его сочинения: помимо общих сюжетов их объединяет пылкий темперамент, глубокие эмоции и автобиографичность. Все, что волновало и увлекало Лермонтова, становилось темой и его стихов, и его рисунков – портреты друзей и любимых женщин, пейзажи, виды Кавказа, зарисовки скачущих лошадей, жанровые сценки.

Всего известно 13 картин, написанных маслом, 44 акварели, около 50 рисунков на отдельных листах, несколько альбомов с набросками и карикатурами, 70 зарисовок на полях рукописей. Они лишь однажды были собраны все вместе в одном зале, в 1941 году на Всесоюзной юбилейной выставке Лермонтова в Государственном историческом музее.

М.Ю. Лермонтов. Портрет Ю.П. Лермонтова, отца поэта. 1831. Бумага, акварель, белла. 20x19. Государственный Литературный музей. Москва

«Как заиграли, как засверкали лермонтовские краски, какой романтический и в то же время достоверный, многообразный и новый облик поэта открылся тем, кто успел эту выставку посмотреть! Она была открыта всего один час, и ее начали срочно эвакуировать», – писал И.Л. Андроников.

В коллекции Государственного Литературного музея хранится значительная часть изобразительного наследия Лермонтова: всего восемнадцать работ, среди которых – четыре живописных пейзажа, шесть акварельных портретов, семь карандашных набросков и знаменитый автопортрет поэта в бурке на фоне Кавказских гор.

М.Ю. Лермонтов. Скачущий гусар с лошастью в поводу, голова мужчины с усами, молодая женщина в декольтированном платье, голова мужчины в очках с бородкой. Наброски. 1834. Бумага, чернила. 19x23. Государственный Литературный музей. Москва

Самые ранние акварели из собрания ГЛМ относятся к периоду проживания Лермонтова на Малой Молчановке, к тому времени, когда он учился в Московском университетском благородном пансионе и в Московском университете. Обе маленькие акварели – «Испанец с кинжалом» (1830–1831) и «Испанская монахиня» (1830–1831) – посвящены теме Испании, которая волновала воображение юного поэта. Его влекло к этой стране особое чувство: юноша верил в то, что фамилия Лермонтовых происходит от испанского герцога Лермы, бежавшего из Испании на север Европы во времена мавританского владычества. В это же время Лермонтов написал романтическую драму «Испанцы», и портрет испанской монахини считается образом Эмилии – главной героини этой драмы. Акварель принадлежала В.А. Ло-

пруги оставил сына на попечение бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. За это Арсеньева обещала сделать внука единственным своим наследником. «Тебе известны причины моей с тобой разлуки, – писал отец в своем завещании за девять месяцев до смерти, – и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самую чувствительнейшею для себя потерю». Юрий Петрович скончался в 1831 году; считается, что этот акварельный портрет Лермонтов скопировал с масляного оригинала, когда приезжал на отцовские похороны в имение Кропотово.

История жизни, история переживаний, фантазий и страданий отражается и в литературном творчестве Лермонтова, и в его рисунках, которые играют роль художественного дневника.

М.Ю. Лермонтов. Волобуева мельница. 1837. Бумага на картоне, итальянский карандаш. 20,2x31. Государственный Литературный музей. Москва

пухиной, о которой Аким Шан-Гирей писал: «Будучи студентом, он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В.А. Лопухину, это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей». Некоторые исследователи считают, что именно ее Лермонтов и изобразил в образе испанской монахини.

К ранним работам Лермонтова относится акварельный портрет его отца (1831). Юрий Петрович Лермонтов после смерти своей су-

Период учебы в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в рисунках собрания ГЛМ представлен листами с двумя набросками: «Скачущий гусар с лошастью в поводу, голова мужчины с усами, молодая женщина в декольтированном платье, голова мужчины в очках с бородкой» и «Женщина на лошади, мужской портрет». Друг Лермонтова Святослав Раевский вспоминал: «Соображения Лермонтова сменялись с необычайной быстротой, и как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко – и я бывал свидетелем, как во время

размышления противника его в шахматной игре Лермонтов писал драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиономий...»

1837 год – переломный в судьбе юного поэта. Страстные стихи, посвященные гибели Пушкина, одновременно приносят ему славу и опалу. В наказание за «непозволительные стихи» Лермонтов сослан на Кавказ, в близкий его сердцу романтический край, в который он был влюблен с детства и который был для него неиссякаемым источником вдохновения. Уже в самых ранних юношеских стихах своих он писал:

Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.

Живописным, романтическим и почти сказочным краем предстает Кавказ на картинах и рисунках Лермонтова 1837 года. Лермонтов писал Алексею Лопухину: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал. Как перелезали через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для

меня горный воздух – бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь». Именно к этому времени относится и путевая дружба поэта с французом де Лабартом и песня «Да здравствует жизнь, да здравствует жизнь, да здравствует свобода!» и две живописные работы – «Тифлис» (1837) и «Пятигорск» (1837–1838). Эти картины можно воспринимать как прямые иллюстрации к лермонтовским текстам, как живописное дополнение к художественному слову.

Вот строки из стихотворения «Свидание»:

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.

А вот описание Пятигорска из «Княжны Мери»: «...внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там дальше амфитеатром громоздятся горы все синие и туманные, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом».

М.Ю. Лермонтов. *Нападение. (Сцена из кавказской жизни).* 1838. Картон, масло. 39,5x48,3. Государственный Литературный музей. Москва

М.Ю. Лермонтов. *А.А. Столыпин в костюме курда.* 1841. Бумага, акварель, белила. 13,3x9,5. Государственный Литературный музей. Москва

Два изящных карандашных рисунка 1837 года изображают «Бештау близ Железноводска» и «Волобуеву мельницу». На рисунке «Бештау близ Железноводска» изображена улица в немецкой колонии Шотландке, которая находилась в нескольких километрах от Железноводска, куда «водяное общество» часто выезжало на пикники. Эти места были знакомы Лермонтову еще с детства, последний раз он останавливался в Шотландке, направляясь 15 июля 1841 года из Железноводска к месту поединка. Они же точно описаны в «Герое нашего времени»: «Я выехал на дорогу, ведущую из Пятигорска в немецкую колонию, куда часто водяное общество ездит en рiqueйне. Дорога идет, извиваясь между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги, где протекают шумные ручьи под сенью высоких трав; кругом амфитеатром возвышаются синие громады Бештау, Змеиной, Железной и Лысой горы. Спустясь в один из таких оврагов, называемых на здешнем наречии балками, я остановился, чтоб напоить лошадь...»

Жемчужина лермонтовской коллекции ГЛМ – автопортрет поэта (1837–1838), по сей день считающийся самым достоверным изображением Лермонтова. Художник Мелихов вспоминал: «...он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти с умными, черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильно-

стей в очертании его лица, и, по моему мнению, один только К.П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды». Лермонтовские портреты принадлежат художникам не столь знаменитым – П.Е. Заболотскому, А.И. Клюндеру, К.А. Горбунову, способным, однако, передать характерные черты, а тем более сходство. Но, несмотря на все их старания, они не сумели схватить жизнь лица, оказались бессильны в передаче духовного облика Лермонтова, ибо в этих изображениях нет главного – нет поэта!

Сам Лермонтов изобразил себя в мундире офицера Нижегородского драгунского полка на фоне Кавказских гор. Автопортрет был написан поэтом для В.А. Лопухиной и ей подарен. Долгое время он хранился в частном собрании в Европе и лишь в 1961 году был возвращен в Москву. И снова рисунок хочется сравнить с лермонтовскими стихотворными строками:

Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лиют без слов язык богов.

Два акварельных портрета, которые условно относят к тому же 1837 году, имеют спорную атрибуцию.

Один из них – «Портрет неизвестного в синем халате» (1837) – первые исследователи рисунков и живописи Лермонтова считали автопортретом поэта. Однако впоследствии Н.П. Пахомов атрибутировал акварель как портрет декабриста кн. А.И. Одоевского, с которым Лермонтов познакомился и подружился на Кавказе в 1837 году. Это был когда-то восторженный юноша, восклицавший: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» Одоевскому, переведенному на Кавказ из сибирской ссылки, оставалось жить недолго, он уже был тяжело болен и скончался в том же 1837 году. Лермонтов посвятил ему стихотворение «Памяти Одоевского»:

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

Вторая работа – «Портрет неизвестного в светло-коричневом сюртуке с синим бархатным воротником» (1830-е) – хранилась в семье Святослава Афанасьевича Раевского и поэтому традиционно атрибутируется как его портрет. Раевский был другом Лермонтова и сыграл немалую роль в судьбе поэта в январе 1837 года, когда осознанно распространял по Петербургу стихотворение «Смерть поэта». Он был арестован и в наказание сослан на север, в Олонецкую губернию. Сохранились письма Лермонтова в Петрозаводск, в которых он беспокоился о судьбе Раевского, пострадавшего по его вине. «Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что стал виной твоего несчастья. Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет и что если я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог... Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать, но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы...» – писал Лермонтов Раевскому.

Когда Лермонтов возвращается с Кавказа в столицу, романтический край продолжает жить не только в его стихах, не только в его романе, но и в живописных воспоминаниях.

В октябре 1838 года Лермонтов пишет картину «Нападение. (Сцена из Кавказской жизни)» – специально для А.М. Хюгель (рожд. Верещагина), которая была дальней родственницей Лермонтова. По словам Акима Шан-Гирея, она «принимала в нем большое участие... отлично умела пользоваться немного саркастическим направлением ума своего и иронией, чтобы овладеть этой беспокойной натурой и направлять ее, шутя и смеясь, к прекрасному и благородному». Став баронессой фон Хюгель, Александра Михайловна сохранила в семейном архиве сочинения, рисунки, альбомы с автографами и набросками Лермонтова и задолго до того, как к нему пришла слава поэта, писала: «Мой дорогой Мишель, я больше не беспокоюсь о вашей будущности, когда-нибудь вы станете великим человеком...»

Продолжая рассказ о жизни поэта, проиллюстрированный им же, нельзя обойти одну из важных ипостасей образа Лермонтова, которая также предстает перед нами в его рисунках: Лермонтов – боевой офицер.

Наивный юноша, он писал в 1832 году из Петербурга в Москву: «Умереть с пулей в груди стоит медленной агонии старца; поэтому, если начнется война, клянусь вам Богом, что везде буду впереди». Впоследствии в официальных военных сводках о Лермонтове будет сказано следующее: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма

неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы». За свою храбрость Лермонтов был несколько раз представлен к наградам, но он так и не получил ордена – его имя было вычеркнуто из окончательного списка награжденных императором Николаем I.

Кровопролитному сражению при Валерике посвящено стихотворение Лермонтова, одно из лучших лирико-философских произведений поэта.

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

Эти страницы биографии Лермонтова отражены в его картине «Перестрелка в горах Дагестана» (1840–1841) и в наброске «Эпизод из сражения при Валерике» (1840).

Символично, что «живописную» биографию Лермонтова в собрании Государственного Литературного музея завершает работа 1841 года, в которой он изобразил человека, имеющего непосредственное отношение к его гибели на дуэли. На маленькой акварели в образе курда Лермонтов изображает своего двоюродного дядю и близкого друга – Алексея Аркадьевича Столыпина (1816–1858). В своем кругу он носил прозвище Монго, и Лермонтов писал о нем в шуточной поэме:

Монго – повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был –
Флегматик с бурными усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немывтый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед,

М.Ю. Лермонтов. Перестрелка в горах Дагестана. 1840–1841. Холст, масло. 38,2x48,3. Государственный Литературный музей. Москва

И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.

О Монго в мемуарах находим самые противоречивые мнения. Одним он был симпатичен, другим – нет. «Это был, – пишет его дальний родственник М.Н. Лонгинов, – совершеннейший красавец; красота его, мужественная и вместе с тем отличавшаяся какою-то нежностью, была бы названа у французов “proverbiale”. Он был одинаково хорош и в лихом гусарском ментике, и под барашковым кивером нижегородского драгуна, и, наконец, в одеянии современного льва, которым был вполне, но в самом лучшем значении этого слова. Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать Монго-Столыпина – значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощенной чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на службу словом и делом».

И при этом именно Монго-Столыпин был секундантом Лермонтова на роковой дуэли, оборвавшей жизнь поэта в 1841 году.

Яркая и бурная жизнь поэта нашла свое отражение в его рисунках и картинах. Все свои жизненные наблюдения и страстные рефлексии Лермонтов превращал не только в слово, но и в живописный или графический образ. Его литературный язык богат в своем колоризме, а рисунки наполнены литературными и биографическими подробностями. М.Ю. Лермонтова трудно назвать профессиональным живописцем или графиком, однако несомненно, что душа художника и глаз художника органично дополняли его гениальный литературный дар.

Ключевые слова: Михаил Юрьевич Лермонтов, Лермонтов – художник, изобразительное наследие, Государственный Литературный музей, Кавказ, автопортрет Лермонтова.

Иллюстрации предоставлены автором.